

М. В. Дегтярева, Н. Ф. Ермакова

Языковые средства, формирующие художественное пространство в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри»

В статье рассматриваются языковые средства, оформляющие пространственную модель текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри». Проанализированы разноуровневые языковые средства: особенные лексические единицы, морфологические формы и синтаксические конструкции с пространственным значением, – употребление которых соотносится с авторским замыслом, темой, образным строем и основными мотивами поэмы. Основное внимание обращено к лексическим единицам. Выявлены и проанализированы значимые доминанты – полисемичные лексические единицы *мир, восток, тюрьма, стена* и др., раскрывающие глубинное содержание насыщенного символикой текста поэмы. Охарактеризовано движение в тексте лексических единиц с пространственной семантикой от значения прямого к переносному и затем к символическому, являющееся одним из приемов актуализации основных мотивов поэмы – мотива одиночества, мотива оторванности от родины, мотива рока и смерти и др. Проанализированы функции языковых единиц с пространственным значением в формировании доминирующих семантических оппозиций *воля – неволя, родина – чужбина*. Выполненный анализ позволил сделать вывод о том, что в характере связи между разноуровневыми единицами с пространственной семантикой, в усложнении общеязыковых значений лексических единиц и приращении дополнительных смыслов, в реализации семантических оппозиций слов и синтаксических построений отражается индивидуально-авторское – лермонтовское – видение пространственной модели поэтического текста.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, поэтический текст, пространственный мир, языковые средства с пространственным значением, семантическая оппозиция, поэтика, мотив, символ, художественный образ.

M. V. Degtyarova, N. F. Ermakova

Language Means Forming Art Space in M. Yu. Lermontov's Poem "Mtsyri"

In the article the language means which are making out the spatial model of the text of M. Yu. Lermontov's poem "Mtsyri" are regarded. Language means of different levels are analysed: special lexical units, morphological forms and syntactic constructions with a spatial meaning – use of which corresponds to the author's plan, subject, figurative system and the main motives of the poem. The main attention is given to lexical units. Here are revealed and analysed significant dominants – polysemantic lexical units *the world, the East, prison, a wall, etc.*, which are revealing the deep contents fulfilled with the symbolism of the text of the poem. Is characterised the movement in the text of lexical units with spatial semantics from the direct meaning to figurative and then to the symbolical one, which is one of methods to update the main motives of the poem – the motive of loneliness, the motive of isolation from the Motherland, the motive of fate and death, etc. Functions of language units with the spatial meaning in formation of dominating semantic oppositions *will – bondage, Motherland – the foreign land* are analysed. The made analysis allowed to draw a conclusion that in the nature of liaisons between units of different levels with spatial semantics, in complication of common-language meanings of lexical units and accession of additional meanings, in realization of semantic oppositions of words and syntactic constructions the individual-author's thing – Lermontov's – vision of the spatial model of the poetic text is reflected.

Keywords: M. Yu. Lermontov, a poetic text, a spatial world, language means with a spatial meaning, a semantic opposition, poetics, a motive, a symbol, an artistic image.

Пространство является одной из важнейших всеобъемлющих форм бытия материи и познания внешнего мира. Что касается последнего, то в познании внешнего мира ученый, философ, художник, поэт, каждый человек и каждое поколение идут своим путем. В художественном тексте понятие «пространство» наполняется особым содержанием, потому что, по выражению С. Н. Булгакова, «вдохновенному взору художника открываются такие тайны жизни, которые не под силу уловить» ученому или философу, а созданные писателем или поэтом «художествен-

ные образы находят дорогу к каждому сердцу» [4, с. 343].

Художественное пространство последней поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (1839) формируют разноуровневые языковые средства: особенные лексические единицы, морфологические формы и синтаксические конструкции с пространственным значением. Их употребление соотносится с авторским замыслом, темой, образным строем и основными мотивами поэмы. В характере связи между единицами с пространственной семантикой, в усложнении общеязыко-

вых значений лексических единиц и приращении дополнительных смыслов, в реализации семантических оппозиций слов и синтаксических построений отражается индивидуально-авторское – лермонтовское – видение пространственной модели поэтического текста.

Значимыми для интерпретации текста поэмы являются подчиненные авторской задаче – создать образ героя с бесстрашной душой, неукротимой потребностью действия, неистребимой жаждой идеала [5, с. 266] – доминанты-существительные, называющие земную поверхность, ее возвышенности и углубления; ср.: *бездна, берег, гора (вершины цепи снеговой, зубцы далеких гор), долина, поляна, скала (груды скал), (горный) хребет, ущелье* и др., водное пространство и водный поток; ср.: *бездна, волна (хрусталь волны), поток (горные воды), речка, струя* и др., небесное пространство и небесные тела; ср.: *вышина (туманная), небеса (небесный свод), небо, луна, месяц, солнце* и др. Традиционные **романтические** – лермонтовские – пространственные образы: *гора, скала, утес, ущелье, бурный поток*, образы романтической природы-стихии: *буря, гроза, молния* – сродни внутренней духовной свободе лирического героя: *О, я как брат // Обняться с бурей был бы рад! // Глазами тучи я следил, // Рукою молнию ловил...* [6, с. 474–475]. По выражению А. А. Блока, **романтизм как способ переживания жизни** есть «следствие глубокого перелома, совершившегося в душе, которая... взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром, чувством неизведанной дали, захлестнулась восторгом от близости к Душе Мира» [3, с. 39; выделено нами. – М. Д., Н. Е.]. В одухотворенной мятежной природе душа лермонтовского бунтаря ищет и находит отклик своим самым смелым устремлениям, мечтам, желаниям.

Конкретные существительные, называющие пространственные объекты, поддерживают значения значимых, раскрывающих глубинное содержание насыщенного символической текста поэмы «Мцыри» лексических единиц: *мир* (5 случаев словоупотребления), *восток* (3 случая словоупотребления), *тюрьма* (5 случаев словоупотребления), *стена* (7 случаев словоупотребления), *лес* (9 случаев словоупотребления), *глубина лесная* – 2 случая словоупотребления).

Мир – слово многозначное. В тексте поэмы оно реализуется в нескольких значениях: «совокупность всех форм материи в земном и космиче-

ском пространстве; Вселенная», «Земной шар, Земля со всем существующим на ней», «все живое, все окружающее», «действительность, бытие», «определенный круг явлений психической жизни (чувств, переживаний, представлений и т. п.)», «жизнь мирян; светская жизнь (в отличие от монастырской жизни)» [1, т. 10, с. 217–219]; ср., напр.: *Мир божий спал // В оцепенении глухом // Отчаянья тяжелым сном* [6, с. 487]; *Ты жил, старик! // Тебе есть в мире что забыть, // Ты жил, – я также мог бы жить* [6, с. 472]; *Я знал одной лишь думы власть, // Одну – но пламенную страсть: // Она, как червь, во мне жила, // Изгрызла душу и сожгла. // Она мечты мои звала // От келий душевных и молитв // В тот чудный мир тревог и битв, // Где в тучах прячутся скалы, // Где люди вольны, как орлы* [6, с. 470] и др. И это понимание окружающего мира связано в сознании молодого послушника со свободой, волей (воля – 4 случая словоупотребления, а также функционирующие в тексте дериваты *вольный, привольный, вольность*). Свобода, воля, «*блаженство вольности*» – это не только остро переживаемая им красота Божьего мира, «*Божьего сада*»: *Ты хочешь знать, что видел я // На воле? – Пышные поля, // Холмы, покрытые венцом // Дерев, разросшихся кругом... // Я видел груды темных скал, // Когда поток их разделял, // И думы их я угадал: // Мне было свыше то дано* [6, с. 472], но и готовность с мужеством и отвагой противостоять всем опасностям, встретившимся на его пути «*в родимую страну*» [5, с. 266].

Лексическая единица **восток** – знаковый пространственный ориентир для лирического героя – является конструктивным элементом, формирующим художественное пространство поэмы. Реализуя одновременно несколько значений: «часть горизонта, где восходит солнце; **место восхода солнца**», «одна из четырех сторон света и **направление**, противоположное западу; сторона той части горизонта, где восходит солнце», «К востоку, на восток (от чего-л.) лежать, находиться и т. п.», «**местность, расположенная в этом направлении**» [1, т. 3, с. 178], что составляет особенность поэтики Лермонтова, – она вырастает до символа родины, к которой стремится герой, но на которую вернуться ему не суждено.

Необходимо подчеркнуть, что тема природы и ее стихий, с которыми связан лирический герой, которые он любит и с которыми он борется, тесно переплетается с темой родины: *Вдали я видел сквозь туман, // В снегах, горящих, как алмаз, // Седой, незыблемый Кавказ <...> Мне тайный*

голос говорил, // *Что некогда и я там жил...* [6, с. 473]. Образ родины («призрак родины, темно носившийся в душе его, как воспоминание детства» [2, с. 155]; ср.: *Смотрел, вздыхая, на восток, // Тамим неясною тоской // По стороне своей родной* [6, с. 469]) поддерживается и развивается такими единицами с пространственной семантикой, как «край отцов», «милая страна», «родимая страна», «родина святая» и др. Они входят в семантическую оппозицию «отчизна – чужая земля», смысловое наполнение второго члена которой раскрывают лексические единицы синонимического ряда *монастырь, обитель, (душные) кельи, (сумрачные, глухие) стены, тюрьма 'перен. Место, где тяжело жить, где живут в угнетении'* [7, т. IV, с. 435]. И здесь рождается еще один мотив поэмы и поэзии М. Ю. Лермонтова – мотив оторванности от родины, тоски по ней, мотив одиночества и сиротства; ср.: *И я, как жил, в земле чужой // Умру рабом и сиротой* [6, с. 471].

Враждебной для героя силой оказывается *лес* (в сочетании с эпитетами *вечный, темный, туманный*; словосочетание *глубина лесная*), вставший на его пути «*непроницаемой стеной*» (*стена 'перен. Тесный ряд или сплошная масса чего-л., образующая завесу, преграду'* [7, т. IV, с. 260]) подобно «*сумрачным стенам*» монастыря. Лирический герой, преследуемый злым роком, сбивается с пути, возвращается в монастырь (*Вернулся я к тюрьме моей...* [6, с. 485]). Вырваться из замкнутого круга монастырского существования, обрести желанную свободу, вернуться в круг своей семьи ему не суждено.

Движение лексических единиц от значения прямого к переносному и затем к символическому раскрывает словосочетание *край грозящей бездны*, являющееся одним из средств актуализации в поэме еще одного мотива – мотива рока и смерти. Слова *бездна* и *край* в тексте реализуют лексические значения: *бездна 'пропасть, кажущаяся бездонной', 'перен. О грозящей комул. опасности, гибели', 'устар. Ад, подземное царство, преисподняя'* [1, т. 3, с. 466], *край 'предельная линия, ограничивающая поверхность или протяжение чего-л.', 'верхняя предельная линия какого-л. углубления, провала, ямы', 'в непосредственной близости от смертельной опасности', 'в состоянии, близком к смерти'* [1, т. 8, с. 569–570; выделено нами. – М. Д., Н. Е.]. Соединяясь, данные слова передают состояние героя на грани жизни и смерти, становятся символом судьбы, фатальной неизбежно-

сти гибели мцыри, символом условной границы между миром живых и миром мертвых, между «небесным раем» («*Божьим садом*», «*Божьим светом*», «*миром Божьим*») и преисподней, в которую сходит «злой дух». Во фрагменте *Мне стало страшно; на краю // Грозящей бездны я лежал, // Где выл, крутясь, сердитый вал; // Туда вели ступени скал; // Но лишь злой дух по ним шагал, // Когда, низверженный с небес, // В подземной пропасти исчез* [6, с. 476] появляется еще один любимый автором образ – образ падшего ангела.

Доминирующие семантические оппозиции «родина – чужая сторона» и «земля – небо», оформляемые частотными существительными и наречиями (*отцовский дом, (мирный) дом – монастырь, тюрьма; (небесная) синева – (подземная) пропасть; внизу – вверх*), развивают в поэтическом тексте Лермонтова идею двух пространственных миров – горизонтального и вертикального. Данную идею в тексте поэмы выражают также пространственные падежные формы существительных (обычно в сочетании с обязательными распространителями-прилагательными) с наиболее частотными предлогами – *в* и *на*: *в сумрачных стенах, в земле чужой, в земле родной, в небе голубом, в туманной вышине, в святом заоблачном раю, в обитель, в родимую сторону; на земле, на небесах, на родину* и др., функционирующие в контекстах с глаголами движения-перемещения, действия, физического состояния главного героя; ср.: *Бежал я долго – где, куда, // Не знаю* [6, с. 475]; *Я цель одну, // Пройти в родимую страну, // Имел в душе* [6, с. 480]; *И, вновь собрав остаток сил, // Побрел я в глубине лесной...* [6, с. 484]; *Казалось, звон тот выходил // Из сердца – будто кто-нибудь // Железом ударял мне в грудь. // И смутно понял я тогда, // Что мне на родину следа // Не проложит уж никогда* [6, с. 486].

Конструктивной доминантой поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» является последняя 26-я строфа (*Когда я стану умирать...*), для которой характерна максимальная концентрация языковых средств с пространственным значением. Точно названное место – «*наш сад*», наполненный светом, цветом и живыми звуками, – ассоциируется с желанной свободой, обретенной героем лишь на пороге смерти. И еще это то место, с которого главный герой мог бы бросить последний взгляд в сторону «*милой родины*» и, может быть, получить ее «*привет прощальный*», который примирил бы его с жизнью:

*Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста <...>
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упыюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет* [6, с. 491].

Игумен Нестор (Кумыш) подчеркивает мысль о том, что даже на пороге смерти герой («**дух усталый**») «ищет свою сопричастность не смертельному холоду и покою небытия», которыми соблазняла его рыбка, а «живой действительности», которая обрекла его на одиночество и страдание, однако подарила и короткие мгновения единения со всем живым в этом мире [5, с. 271].

Итак, в статье были выявлены и проанализированы языковые средства, формирующие художественное пространство в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри». Основное внимание было обращено к доминирующим лексическим единицам с пространственным значением, что позволило сделать вывод: посредством художественных образов, передаваемых лексическими единицами с пространственным значением, в поэтическом тексте получает общечеловеческое осмысление такая всеобщая объективная форма познания внешнего мира, как пространство.

Библиографический список

1. БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–21... – М.: Наука, 2004.
2. Белинский, В. Г. Стихотворения М. Лермонтова [Текст] / В. Г. Белинский // Избранные сочинения. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1947. – С. 126–160.
3. Блок, А. А. О романтизме [Текст] / А. А. Блок // О назначении поэта. Стихия и культура. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – С. 35–45.

4. Булгаков, С. Н. Чехов как мыслитель [Текст] / С. Н. Булгаков // Мир философии : в 2 ч. – Ч. 2. Человек. Общество. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 341–343.

5. Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова [Текст] / Игумен Нестор (Кумыш). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 340 с.

6. Лермонтов, М. Ю. Мцыри [Текст] / М. Ю. Лермонтов // Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. Поэмы / Редактор тома Б. В. Томашевский. – М.; Л.: Издательство Академии наук, 1962. – 704 с.

7. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Bibliograficheskiy spisok

1. BAS – Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 1–21... – М.; SPb.: Nauka, 2004.
2. Belinskij, V. G. Stikhotvoreniya M. Lermontova [Tekst] / V. G. Belinskij // Izbrannye sochineniya. – М.: Gosudarstvennoe izd-vo khudozhestvennoj literatury, 1947. – S. 126–160.
3. Blok, A. A. O romantizme [Tekst] / A. A. Blok // O naznachenii poehta. Stikhiya i kul'tura. – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. – S. 35–45.
4. Bulgakov, S. N. CHEkhov kak myslitel' [Tekst] / S. N. Bulgakov // Mir filosofii : v 2 ch. – CH. 2. CHElovek. Obshhestvo. Kul'tura. – М.: Politizdat, 1991. – S. 341–343.
5. Igumen Nestor (Kumysh). Tajna Lermontova [Tekst] / Igumen Nestor (Kumysh). – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya, 2011. – 340 s.
6. Lermontov, M. YU. Mtsyri [Tekst] / M. YU. Lermontov // Sobranie sochinenij: v 4-kh t. T. 2. Poehmy / Redaktor toma B. V. Tomashevskij. – М.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1962. – 704 s.
7. MAS – Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / Pod red. A. P. Evgen'evoj. – Izd. 2-e. – М.: Russkij yazyk, 1981–1984.